

Часть 1. НАЦИОНАЛЬНЫЙ/СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ЖИЗНЬ ИДЕИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А. А. Линченко (Липецкий ГТУ)

Идея национального характера и кризис исторического сознания

Развитие национального характера и представлений о нем всегда было тесно связано с историей, трансформацией исторического сознания. Еще Геродот в своей «Истории», намечая типичные национальные черты греков и азиатов, делает это в контексте описания и понимания исторических событий. И в дальнейшем интерес к национальному характеру всегда был обусловлен различными формами кризиса исторического сознания в XVIII, XIX и особенно XX вв.

Сущность исторического сознания не укладывается в рамки только исторического знания, а представляет собой органичный сплав как минимум четырех компонентов: собственно знаний о прошлом, опыта их интерпретации и понимания в настоящем, формы передачи знания от потомков к преемникам и определенного исторического предвидения. Развитие исторического сознания можно представить через взаимодействие традиционного и нового. Структура исторического сознания условно может быть разделена на уровни (цивилизационный, обыденный, теоретический), типы (строятся в зависимости от периодизации истории) и формы (когнитивная, нравственная, эстетическая).

Несмотря на известную неопределенность содержания понятия «национальный характер» в качестве «рабочего» определения будем использовать интерпретацию национального характера, данную Д. В. Ольшанским. По его мысли, «национальный характер» – это совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Национальный характер представляет собой, прежде всего, определенную совокупность эмоционально-чувственных проявлений, выражаясь в первую очередь в эмоциях, чувствах и настроениях – в предсознательных, во многом иррациональных способах эмоционально-чувственного освоения мира, а также в скорости и интенсивности реакций на происходящие события. Национальный характер, в этом случае представляет собой «нижний», иррациональный компонент общего «психологического склада нации». Структуру национального характера составляют национальный темперамент, национальные эмоции, национальные чувства, первичные национальные предрассудки.

Историческое сознание и национальный характер представляют собой особые образования в общественном сознании: они присутствуют во всех формах общественного сознания, напрямую или косвенно воздействуя на все процессы отражения общественного бытия. Процесс воздействия исторического сознания на национальный характер реализуется через функции исторического сознания, среди которых выделим мировоззренческую, нравственно-воспитательную функции, функцию социальной памяти, а также функцию формирования самосознания личности. Кризис исторического сознания следует понимать как нарушение (разной степени глубины) его функций. Немецкий историк Й. Рюзен выделяет три типа кризисов исторического сознания: 1) нормальный кризис; 2) критический кризис; 3) катастрофический кризис, или травма. Глубина кризиса исторического сознания различным образом актуализирует национальный характер. Катастрофический кризис является источником радикальной трансформации национально-го характера. Неспособность исторического сознания органично связывать прошлое и настоящее проблематизирует национальный характер, что приводит к мифотворчеству, как своеобразной замене национально-го характера, необоснованным культурным заимствованиям у других народов. Другие формы кризиса исторического сознания, наоборот, оказывают благоприятное воздействие на развитие национального характера, поскольку именно он (и даже национальное сознание) является той социально-психологической средой, с помощью которой новые типы исторического сознания формируют свою новую структуру, иерархию и целостность.

Масштаб и степень глубины современного кризиса исторического сознания вряд ли могут быть пока точно определены. Вместе с тем актуализация исторического мифотворчества, «аисторизм» современного человека, презентизм, «сверхбыстрый» характер социального времени, постмодернистские тенденции в историописании, методологическая неопределенность дальнейшего движения социально-гуманитарного знания явно свидетельствуют о кризисе исторического сознания.

Как показывает опыт транснационального строительства Европейского Союза, новая Европа движется сегодня в сторону нового национализма, а архитектура отношений ЕС с другими странами во многом напоминает процессы национального строительства в XIX веке. Таким образом, современные кризисные тенденции в историческом сознании все более будут актуализировать идею национального характера. Вопрос только в том, каким образом она будет пониматься и использоваться. Именно это и будет определять в дальнейшем новый контекст развития исторического и национального сознания.

**Идея национального характера
в исторической мифологии прошлого и настоящего***

В междисциплинарном пространстве современного гуманитарного знания концепты «национальный характер», как и «национальный дух» или «национальное чувство», рассматриваются как социокультурные конструкты, имеющие вполне определенные пространственно-временные координаты и политико-идеологические импликации (включая столь актуальный в современном мире этнонационализм). Эти конструкты и их содержательно-функциональная историческая динамика имеют весьма значительный когнитивный потенциал, не только для анализа особенностей дискурса «стихийного» этноцентризма и «наивной» компаративистики в имагологических исследованиях, но и в наиболее актуальных на сегодняшний день перспективах исторического изучения проблематики национализма и нациестроительства, а также исторической памяти и коллективных (в том числе национальной) идентичностей. Не случайно понятие «национальный характер», фиксирующее эмпирически наблюдаемые различия, оценивается как более поддающийся операциональному определению синоним научного термина «психический облик» или «психический склад» нации (Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1997. С. 165).

Между тем в большинстве определений понятия «национальный характер» в отечественной науке обычно акцентируется его позитивно-содержательная основа: к примеру, говорится о «совокупности определенных психологических черт, характерных для всех или большинства людей данной нации»; о «совокупности наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакции на него»; о «совокупности наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных природных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития»; «о совокупности внешних проявлений национального менталитета, наблюдаемых свойств представителей соответствующей общности, как правило, в сравнении и по контрасту с другими национальными общностями»; «о совокупности устойчивых психических особенностей и культурных атрибутов нации, которые зависят от всеобщей жизнедеятельности и условий жизни и проявляются в поступках», о совокупности «однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуа-

* Работа выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

ции в форме чувств и состояний» и т. п. Все эти не отличающиеся точностью, новизной и разнообразием этнопсихологические дефиниции восходят к фроммовскому определению термина «социальный характер» как «совокупности черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» (Фромм Э. Бегство от свободы М., 1987. С. 230).

Таким образом, не затрагивая здесь более «тонких» методологических вопросов о возможности «монополии» какой-либо нации на ту или иную качественную характеристику (или даже на некоторую их констелляцию), а также о соотношении национального характера и характера отдельных индивидов, принадлежащих к данной группе, можно констатировать, что в научной литературе, как и в обыденном сознании, нации (как коллективной личности) приписывается набор устойчивых качеств-атрибутов. При этом эмоциональный, поведенческий, ценностный и когнитивный уровни национальных характерологий, как правило, «микшируются». Еще в конце 1960-х И. С. Кон подчеркивал, что термин «национальный характер», впервые появившийся на уровне обыденного сознания в литературе о путешествиях, «не аналитический, а описательный», призванный «выразить специфику образа жизни того или иного народа» (т.е. предполагающий *сравнение* и фиксацию *различий*). Блестящие образцы «донаучных» национальных характерологий созданы в классической художественной и исторической литературе. Безусловно, эссенциалистские представления о «постоянном» и «вечном» характере социальных идентичностей, в том числе о неизменном «национальном характере», несостоятельны. Введение этого понятия в концептуальный аппарат науки подразумевает критический анализ представлений обыденного («внеаучного») сознания в их общекультурном и социально-историческом контекстах. И в этом интеллектуальном контексте речь следует вести об *историчности* как национальных (этнопсихологических) стереотипов (т.е. об *исторической* имагологии), так и об исторической динамике самого концепта «национальный характер».

В основной части доклада рассматривается роль концепта «национального характера» в мифологии исторической памяти на примере репрезентаций английского национального характера в меняющихся (главным образом в посткризисных) ситуациях. Дается критический анализ фундаментальных исследований Пола Лэнгфорда (Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650–1850. Oxford, 2000), Питера Мандлера (Mandler P. The English National Character: the History of an Idea from Edmund Burke to Tony Blair. New Haven, 2006) и ряда других работ, составляющих наиболее интересную часть новейшей британской историографии «национальной идентичности».

**Культурный архетип и национальный характер:
соотношение понятий**

Попытки осмысления национальной самобытности, столь популярные в последнее время, неизменно актуализируют такие понятия, как культурный архетип и национальный характер. В чем сущность каждого из них, и каким образом они соотносятся друг с другом?

Культурные архетипы – это архаические культурные первообразы, представления о человеке, его месте в мире и обществе; нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности, «проросшие» через многовековые пласты истории и культурных трансформаций и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры. Культурные архетипы имеют символическую природу, что позволяет истолковать и типизировать их через постижение символического. Характерные черты культурных архетипов – устойчивость и неосознанность – проявляются во всех сферах жизнедеятельности, но наиболее ярко – в повседневной жизни.

Сторонники концепции культурвитализма отмечают, что культурные архетипы существенным образом определяют особенности мировоззрения, характер художественного творчества, стереотипные реакции на значимые ситуации, способны разрешить противоречия. Культурные архетипы определяют не только развитие прошлого и настоящего, но и конструируют будущее культуры. От их целостности, свободы и аутентичности проявления зависит жизненность культуры. В случае разрушения, ломки культурных архетипов, замещении их чужеродными элементами культурная система утрачивает свою органичность, способность к самовоспроизведению, самосохранению и самовыражению.

И. А. Есаулов под культурными архетипами понимает не коллективное бессознательное, а «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения». Он читает, что эти типы мышления не являются «исключительной принадлежностью индивидуального сознания, но формируются в недрах глубинных сакральных структур» (Есаулов И. А. Рождественский и пасхальный архетип в философии Вл. Соловьева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века. М., 2005. С. 78).

Зарубежные исследователи А. Инкелес и Д. Левинсон считали, что национальный характер соответствует сравнительно прочно сохраняющимся чертам личности и типам личности, являющимися модальными для взрослых членов данного общества. На формирование национального характера оказывают влияние: социокультурная среда, враждебное или дружественное окружение государства, структура государственных институтов и власти. Согласно концепции отечественного исследовате-

ля К. Касьяновой, в основе национального (этнического) характера лежит «некоторый набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций (“сентименты”). Появление в сознании любого из этих предметов приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что, в свою очередь, является импульсом к более или менее типичному действию». Эту «единицу “принципиального знаменателя личности”, состоящую из цепочки “предмет-действие”» автор подразумевает под понятием «социальный архетип» (Касьянова К. О русском национальном характере. М., 2003. С. 34).

В. К. Егоров в монографии «Философия русской культуры» пишет, что национальный характер, будучи явлением больше психологическим, есть набор, синтез национальных черт и качеств, реально существующий и действующий феномен, в котором доминирующие психологические начала состоят из наследуемых и формируемых качеств. Национальный характер есть совокупность специфических психологических черт, ставших в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных экономических, культурных и природных условиях ее развития. Это своеобразный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивых привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры.

Таким образом, понятия «культурный архетип» и «национальный характер» не просто связаны, но представляют собой неразрывное единство, в котором культурный архетип играет определяющую роль, формируя национальный характер. Культурный архетип, сформированный природой, окружением, климатом, особенностями географического положения, спецификой религии, актуализирует те или иные психологические свойства и характеристики, присущие данному народу. Национальный характер же, в свою очередь, наиболее ярко и полно проясляет базовые компоненты культурного архетипа конкретного этноса.

М. В. Белов (Нижегородский ГУ)

**Как создавался «славянский характер»:
русские путешественники, публицисты и критики
первой половины XIX века в поисках «народности»**

Исследования понятия «народность» в русской культуре XIX века, интенсифицировавшиеся в последнее время, не только не закрыли тему, но и выявили существенные расхождения во взглядах. Когда одни авторы склонны рассматривать «народность» как семантического уродца, возникшего по недоразумению в результате ошибки перевода (К. Богданов), другие видят в ней парадигму всей русской культуры

«золотого» века и далее (Т. В. Кузнецова). Более частным, но очень важным следует считать разногласие исследователей в отношении так называемой «теории официальной народности». Если некоторые из них, развивая либеральную традицию, трактуют известную «триаду» как выражение государственной идеологии периода «национализации» династии (Р. Вортман, А. И. Миллер), то иные называют официальность «триады» историографическим мифом, поскольку превратно истолкованные А. Н. Пыпиным уваровские инициативы в действительности не получили системной поддержки сверху (Н. И. Казаков, М. М. Шевченко). При этом довольно часто данные (и другие) расхождения во взглядах смикшированы во избежание открытой полемики.

На неопределенности понятия «народность» сходятся большинство исследователей. Они указывают, как правило, на необходимость различения регистра (литературно-эстетического, философско-публицистического, историко-этнографического), в котором функционировал дискурс. В каждом из них акценты расставлялись по-разному. Вместе с тем, нельзя не признать, что, работая в определенном регистре, многие авторы XIX века претендовали на универсальность своего понимания «народности», а жанровые границы текстов часто смешались. Во всяком случае, невозможно говорить, учитывая уровень спецификации знания в первой половине столетия, о полной автономии какой-то из его областей.

Семантический разлад, вызванный совмещением в понятии «народность» двух основных, но не единственных смыслов – простонародность (социальный аспект) и самобытность (этнический аспект) – очевидно, был запрограммирован специфичным двоемирием русской культуры и цензурными запретами на открытое обсуждение общественно значимых вопросов. При этом силовое напряжение этих смысловых полюсов обусловило частичную абсорбцию в «народности» более ранних концептов: народный (национальный) характер, народных дух и т.д.

Славянский аспект «народности», вероятно, никогда не занимал центрального места в дискуссиях о ее содержании. Однако, находясь на периферии, он имел для них определенное значение в качестве одного из контекстуальных полей. Например, если ранние славянофилы, за исключением второго ряда, не ставили вопрос о единстве славянского племени во главу угла собственных историософских построений, то с другой стороны, и лагерь западников, опять же за некоторыми исключениями, не был вовсе равнодушен к «зову крови». Парадигмальное единство «двух лагерей теоретиков» (социологический органицизм, и в частности, «возрастная» теория, субстанциональность «духа») подкреплялось общей выучкой в школе немецкой классической философии.

Впечатления о славянском мире за пределами России, зафиксированные в опубликованных путешествиях первой половины столетия, возможно, имели влияние на процесс опознания своего «чужого» – русского крестьянина, но его не следует преувеличивать. Первичный инструментальный описаний был схож и в обоих случаях малопригоден. Уже в

начале века были выработаны две базовые модели: сентименталистский образ «благородного дикаря» (вариант: большого ребенка) и неоклассицистское обращение к славянской антике, питающееся метафорой Спарты или мотивами былинной старины. Их влияние медленно убывало на протяжении всего рассматриваемого периода.

Начало дискуссии о «народности» в литературе (1820-е гг.) совпало с проникновением в русскую печать первых известий о «славянском возрождении». На рубеже 1830-х делает первые шаги романтическая этнография. Славянская экзотика служила теперь дополнительным аргументом в пользу «загадочной русской души». Свою роль в стимулировании дискуссии о «народности» и формировании славяноведческого интереса сыграла уваровская «триада», как бы ее ни оценивать. В 1840-е гг. реабилитация народной жизни (вместе со свойственными ей эксцессами) позволила включить буйство нравов, как атрибут молодости или дикарства, в состав славянского характера там, где он не подпорчен чуждым, прежде всего, западным влиянием. И даже непролазная грязь на дорогах и другие признаки бытового неустройства становились аргументом в пользу славянского единства, например, у славянофила Ф. В. Чижова.

Славянский характер (физиономия, нрав, дух) оказался недолговечным познавательным концептом, хотя именно он породил известную формулу «братьев-славян». И именно благодаря романтическому отклонению, а также пореформенным дебатам, спустившим дискурс с небес на землю, была обретена новая реалистическая модель описания, прежде всего, славян Балканского ареала – русский крестьянский мир, исследуемый народнической этнографией. Впрочем, она являлась наследницей всех прежних подходов.

Н. И. Недашкова (РГГУ, Москва)

«Русский размер»: национальная просодия и национальный характер

В докладе делается попытка реконструировать замысел и культурные практики преобразования империи, выработанные «Вольным Обществом любителей словесности, наук и художеств» (1801–1813). Общество (далее – ВОЛСНХ) было создано выпускниками академической гимназии и студентами Академии Художеств, когда проектирование интеллектуалами «филологической культуры» как системы дискурсов для государственного строительства Российской империи становится отрефлексированным и относительно массовым движением.

До настоящего времени ВОЛСНХ рассматривалось исследователями только в двух аспектах: 1) в контексте истории формирования новой русской литературы, ее жанровой системы; 2) как явление общественной жизни – в связи с участием в работе Общества сыновей А. Н. Радищева. Однако источники, раскрывающие интеллектуальную

повседневность ВОЛСНХ, диктуют иной ракурс рассмотрения его деятельности. Как можно видеть из протоколов, публикаций стихов и других документов Общества, молодые люди вели огромную работу. На заседания они регулярно представляли оригинальные поэтические опыты и философские прозаические трактаты. Велась планомерная работа по переводу трудов европейских историков искусства и трактатов просветителей. Избранными цензорами осуществлялось подробное аналитическое рецензирование всех представленных материалов. При этом отчетливо осознавалась некая глобальная цель, стоящая перед их поколением и даже временем.

Реконструировать эту руководящую идею становится возможным благодаря сохранившимся документам, в которых отражена творческая лаборатория А. Х. Востокова, бывшего долгое время секретарем и одним из самых деятельных цензоров Общества. Важнейшую роль в оформлении главной идеи деятельности членов Общества играло античное наследие. Анализируя перевод оды Горация «К Мельпомене» (1802), сделанный А. Г. Волковым с сохранением размера подлинника, цензор замечает: «желательно, чтобы российская поэзия обогатилась приятными размерами греков и римлян; язык наш духом своим ближе всех языков европейских к вергилиеву и горациеву языку». Востоков писал: «Все сии пробы дактилических и иных разностопных стихов не для того выставлены, чтоб требовать точного им подражания... Нет, пусть бы это только побудило молодых наших поэтов заняться обработанием собственной нашей просодии, не ограничиваясь в одних ямбах и хорях, но испытывая все пути, пользуясь всеми пособиями, которые предлагает нам славенорусский язык, благомерный и звучный» (Востоков А. Х. Опыты лирические. СПб., 1805–1806. Ч. 1-2. С. 1). При этом главный мотив освоения античного наследия как на уровне формы, так и на уровне содержания заключался в стремлении к культурному прогрессу и равенству с другими просвещенными народами Европы. На этом этапе члены Общества еще не причастны к процессам нацистроительства, которые вызвала к жизни философия Просвещения.

В последующие годы (1805–1810-е гг.) искания молодых литераторов обретают искомый стержень. В их арсенале возникает русский народный размер, стиль, система образов. Фольклор в целом (в т.ч. Оссан, воспринимавшийся как народный певец) осмысливается в соответствии с просветительскими представлениями о том, что из рук природы человек выходит одаренным всеми качествами, необходимыми для добра и счастья. На место условного «естественного» человека ставится схема национального идеала. Такая попытка представить наделенный конкретными этнографическими и историческими чертами образ народа как идеальный, быт, русский по национальному характеру и крестьянский по социальному признаку, – по аналогии с бытом античным, который воспринимался как воплощение «природного» развития свободной человеческой личности, не противоречила идеям Просвещения, а напол-

няла их новым конкретным содержанием. При этом мы наблюдаем конструирование народного характера на основе фольклорных источников, наличие знаний о форме, но отсутствие – о духовной составляющей.

В 1812 г., завершая поэтические эксперименты членов общества, вышел труд А. Х. Востокова «Опыт о русском стихосложении», ставший первым теоретическим исследованием теории стиха в России. Обобщив весь собранный фольклорный материал и разновременные оригинальные поэтические опыты различных национальных литературных традиций, автор выстроил схему взаимосвязи между свойствами языков и системами стихосложения в их историческом развитии.

Таким образом, в ходе построения и реализации проекта интеллектуалы ВОЛСНХ провели исследование славянского фольклорного стиха, сопоставление европейских систем стихосложения, разработали критерии и приемы стилистического редактирования художественного текста, дали «образцы» интегрирования европейской стихотворческой техники и русской языковой стихии. Работа с просодией привела ВОЛСНХ к необходимости создания собственной версии того, что предназначалось означивать русскому стиху – русского характера как идеологемы нацистроительства. Впоследствии по тому же механизму аналитики ВОЛСНХ создали синтетическую науку, которая давала комплексный ответ на вопрос, кто такие русские (и шире – славяне) во всемирной истории, т.е. российскую версию славяноведения.

С. П. Артеев (Сыктывкарский ГУ)

Национальный характер коми в освещении путешественников XIX века

Национальный характер издавна привлекал к себе внимание путешественников и исследователей. До XX в., когда этнография еще только делала свои первые шаги, именно путешественники, по большей части, являлись теми, кто знакомил широкие слои общества с жизнью других народов. В XIX в. русские путешественники, помимо прочих краин огромной России, посещали с исследовательскими целями и Коми край, где они изучали быт, занятия, верования коми. Многие из них в своих публикациях рассматривают также и национальный характер коми. Свое пребывание на Коми земле они осветили в ряде центральных журналов Российской империи.

Путешествия обусловлены в том числе и тем, что XIX в. – время развития этнического самосознания у многих европейских народов, в том числе у русских. Как отмечает современный исследователь П. С. Куприянов, в первой половине XIX в. русские стремились определить свою общность через сравнение с европейскими народами. Можно предположить, что во второй половине века самоидентификация русских происходила через сравнение с народами России.

Некоторые современные исследователи считают неприемлемым говорить о национальном характере в силу норм политкорректности, однако и они признают, что некоторые явления без понятия «национальный характер» трудно объяснимы. Необходимо отметить, что в литературе нет единства по поводу трактовки самого понятия «национальный характер». Х. Дуийнер и Н. Фрийда предлагают концепцию, которую можно свести к двум тезисам: 1) Национальный характер определяется как совокупность определенных психологических черт, характерных для всех или большинства людей данной нации; 2) Национальный характер определяется через культуру народа.

В силу положительных впечатлений и журналистской этики авторы сосредотачивают внимание прежде всего на положительные черты национального характера коми. Среди этих черт гости Коми края отмечают гостеприимство, человеколюбие, добродушие, религиозность, развитое поэтическое чувство. Такие черты коми характера как открытость и гостеприимство привели впоследствии к неоднозначным результатам. Речь идет об этнодемографической ситуации, сложившейся в XX в., когда коми оказались этническим меньшинством на территории своей автономии. Доля коми сегодня составляет около 25% от общей численности населения республики. С одной стороны, указанные черты способствовали и продолжают содействовать сохранению достаточно стабильной и мирной этнополитической ситуации в Коми. Однако, с другой стороны, те же черты, конечно, наряду с другими факторами, приводят к усилению ассимиляционных процессов и потере этнической идентичности среди коми населения.

Наряду с положительными качествами характера коми, путешественники обращали внимание и на некоторые отрицательные черты: вспыльчивость, подозрительность, мстительность, которые сами гости Коми края объясняют наследием, оставшемся от «полудикой жизни прадедов». Также русские путешественники отмечали широкое распространение разного рода суеверий среди коми. Однако сегодня считается, что суеверия – неотъемлемая часть практически любого аграрного социума.

Авторы некоторых очерков обратили внимание на положение женщин у коми, которые в отличие от тех же русских, имели практически равные с мужчинами права. Возможно, как отмечают современные исследователи И. В. Ильина и О. И. Уляшев, это связано с тем, что согласно коми мифологии Ен – создатель всего сущего у коми в период до принятия христианства (и после принятия христианства Бог в христианском понимании в коми языке также обозначается словом «Ен») – мужчину и женщину создал одновременно, чем подчеркивается их изначальное равенство «по рождению».

Путешественники, помимо черт характера, обращают внимание на достаточно высокие интеллектуальные способности зырян, отмечая остроумие, находчивость, основательный подход к делам, изобретательность, смысленность, что помогает коми и в охоте. Об этом же не-

сколько позднее писал выдающийся социолог с мировым именем, выходец из Коми края, Питирим Сорокин.

Таким образом, в рассмотренных статьях и очерках выражается достаточно благожелательное отношение к коми. Обращение к публикации подобного свойства по полиэтничным российским регионам, может способствовать сглаживанию трений на национальной почве, а значит и консолидации российского социума в целом. В перспективе это делает реальным создание российской нации гражданского типа по примеру Швейцарии, которая уже много веков является образцом в национальном строительстве. Следует отметить, что точка зрения большинства путешественников на национальный характер коми подпадает под концепцию психологических черт, характерных для большинства людей того или иного этноса.

М. В. Лескинен (Институт славяноведения РАН, Москва)

**Концепция национального характера («нрав народа»)
в языке описания российской науки второй половины XIX в.:
дефиниции, способы выявления, функции**

Анализ текстов географо-статистических описаний народов Российской империи, этнографических программ и этнографических очерков в научно-популярной литературе второй половины XIX в. дает основание для заключения о том, что лексема «нрав» или «характер» народа (активно используемая в научных и популярных репрезентациях народов начиная с античности) применялась в качестве термина, определяющего этнокультурное своеобразие этнических и расовых групп. В разработанной Н. И. Надеждиным (главой этнографического отделения Русского географического общества с 1847 по 1856 гг.) «Программе изучения народности русской» была обоснована и сформулирована общая концепция «народности», под которой понималась этническая идентичность («этничность»), выраженная в различных формах духовной и материальной культуры. Нрав народа занимал важное место в перечне этнических признаков сообщества наряду с языком, физическим обликом и самоназванием, и в спорных случаях мог служить этнодифференцирующим критерием. Следует подчеркнуть, что еще в характерологических сочинениях романтиков возобладало представление о том, что не все сословия, а только крестьянство является выразителем истинного, «коренного» типа. Эта идея получила научное обоснование во второй половине столетия.

Определение черт национального характера – даже в научном описании – представлялось простой операцией: достаточно было привести мнения путешественников, исследователей, беллетристов. Однако главной процедурой стало внешнее наблюдение, поскольку человеческие сообщества рассматривались как результат воздействия

естественно-географических факторов. Своеобразие этнических групп понималось в комплексе отличительных особенностей региона или ландшафта (вплоть до конца столетия господствовали идеи географического детерминизма), и потому к их изучению применялись те же методы, что и в естественных науках, с доминированием Описания и Классификации на основании перечня признаков и качеств объекта (М. Фуко). Еще одним важным принципом стало представление о соответствии внешних черт внутренним свойствам, что позволяло с легкостью «предугадывать» и даже прогнозировать ряд качеств на основании одного известного. Так, детально разработанная еще в работах французских энциклопедистов и немецких романтиков идея зависимости внешнего облика, характера народа, его нравственных склонностей, умственных способностей и «форм общественного быта» от климатических условий, получила развитие и в трудах европейских антропогеографов (Гумбольдт, Риттер). Прежние предположения о том, что народы «юга» отличаются изнеженностью, веселый нрав, любовь к роскоши, медлительность и леность, а также способности к искусствам, в то время как суровые природные условия закаляют дух народов «севера», делая их мужественными, суровыми, мрачными и жестокими, придавая им воинские доблести и таланты, теперь обретают новые акценты. «Север» и «юг» с развитием страноведения обнаруживаются в различных государствах, но сравнение жителей этих регионов осуществляется по той же схеме, которая, впрочем, может заменяться аналогичным противопоставлением характеров «западных» (как «северных») и «восточных» (как «южных») областей.

Принципиально новым аспектом интерпретации характера становится установление племенной (этногенез) и политической (государственность) истории народа. Попытки реконструкции этнического своеобразия на разных этапах развития заостряют вопрос о расовой чистоте: смешение вначале расценивается как негативный процесс, и лишь с развитием антропологической дисциплины в 1880–90-е гг. распространяется убеждение в том, что метисация способна придать племени те свойства, которые оно не может приобрести никаким иным путем. Черты нрава в этом контексте воспринимаются как врожденные этнические константы, и они могут передаваться «с кровью». Большое значение придается «способностям» этноса (группы) к государствообразованию и его «склонности» к определенным политическим формам (например, великорусы и малорусы), которые формируются, как представляется, на раннем этапе этногенеза.

Наконец, создается некоторая типология национальных характеров (характерология), в основе которой лежит идея взаимосвязи вида деятельности и складывающегося в ходе истории комплекса черт (земледельцы, кочевники, мореплаватели, «горцы» и др.). Славянские народы рассматривались как мирные земледельцы-труженики, которым изначально были присущи такие качества как трудолюбие, смирение, госте-

приимство, консерватизм. Однако с ростом значимости исторического фактора складывается убеждение, что экономические и социальные изменения со временем внесли некоторые коррективы в этот изначальный тип: например, сербы и малорусы сохранили его в полной мере, а великорусы обрели «практицизм» и склонность к предпринимательству. Особое место в перечне свойств характера занимали нравственные качества, наличие или отсутствие которых также вписано было в своеобразную «таблицу классификации», которая поддается реконструкции с использованием методов текстологического и терминологического анализа.

С. Л. Мельников (Удмуртский ГУ, Ижевск)

**Трансформация социального характера
предпринимателей-старообрядцев
в условиях модернизации XIX – начала XX вв.
(на примере пароходовладельцев Волжского бассейна)**

Введение в научное пространство историка категорий из теорий социального характера является весьма продуктивным. Вслед за сторонниками марксистской методологии, представители психоаналитического направления в социологии обосновали существенное влияние социально-экономических факторов на формирование характера и ценностных установок личности. Особую актуальность приобретают проблемы трансформации национальных характерологий и основных черт социального характера для периодов, связанных с серьезными социально-культурными сдвигами, происходившими в российском обществе.

В этой связи, уникальными являются события, происходившие в российской истории XIX – начала XX вв.: буржуазная модернизация повлекла за собой изменение поведенческих стереотипов, изменения в иерархии ценностей многих социальных групп, а, следовательно, и черт социального характера предпринимателей. Вызовы времени потребовали адаптации к ним и старообрядческих общин.

Обращение к теме особого вклада предпринимателей-старообрядцев в дело буржуазной модернизации экономики и развитие феномена благотворительности в России является одной из черт новейшей отечественной историографии в рамках исследований истории предпринимательства. Авторы выявляют особый тип социального характера предпринимателей, вышедших из старообрядческой среды, обосновывая успешность их деятельности особенностями протестантской этики, якобы свойственной старообрядчеству, спецификой профессиональных установок, связанных с некоей «духовной концепцией Дела» (Керов В. В. Екатеринбург, 2008).

Разрабатывая эту тематику, авторы иногда отходят от важнейшего положения характерологии: характер есть сложное единство индивидуального и типологического. Акцент при изучении староверческого

предпринимательства исключительно на конфессиональную этику ориентирует историка на некую незыблемость нравственно-этических норм, неизменность правил поведения индивида, которые свойственны исключительно традиционным обществам. Такие представления вступают в противоречие с реально происходившим ускорением социальной эволюции, при котором существенные социальные изменения стали происходить в масштабах жизни одного поколения. Поэтому отказывать представителям старообрядческого купечества в том, что они не обладали индивидуальными чертами, а обладали неким общим конфессиональным менталитетом и соответствующими ему ценностями, не вполне корректно.

Новая буржуазная этика, базирующаяся на принципах индивидуализма, неминуемо вела к конфликту конфессиональной кооперации (с ее ценностями) и индивидуальной конкуренции. Уникальную особенность преодоления этого конфликта продемонстрировала социальная группа, которую можно обозначить как старообрядческая предпринимательская среда. Не отказавшись от базовых конфессиональных ценностей в рамках повседневности, купцы-старообрядцы смогли обратить их на пользу своего предпринимательского успеха. Когда в середине XIX в. прекратилось открытое преследование старообрядцев, предприниматели из этой среды в полной мере воспользовались существовавшими конфессиональными коммуникациями, что давало существенные преимущества в условиях первоначального накопления капитала и обострившейся конкуренции. Сохранение религиозной иерархии тесных конфессиональных отношений старообрядческих согласий и толков оказалось весьма продуктивным на фоне происходящей секуляризации общественного сознания.

Ярким свидетельством этих процессов служат биографии представителей многих династий купцов-пароходовладельцев Волжского бассейна, являвшихся старообрядцами. На протяжении жизни одного-двух поколений они смогли неимоверно расширить объемы и географию своей предпринимательской деятельности, составить многомиллионные состояния.

Изучение биографий предпринимателей-судовладельцев принадлежавших старообрядчеству, свидетельствует о том, что динамика изменений в российском обществе второй половины XIX в. сформировала новые социальные коды. Механизмы социализации как внешние по отношению к личностному развитию играют в этот период доминирующую роль. Предприниматели-старообрядцы, сохранив основные ценности веры, пытаются придать им черты религиозного рационализма, перенося конфессиональную солидарность в сферу предпринимательства. Купцы-старообрядцы в полной мере усвоили новые принципы и механизмы капиталистической эксплуатации, активно заимствовали и внедряли новейшие средства производства, несмотря на их некоторые противоречия, связанные с установками веры. Эти обстоятельства по-

зволяют не только говорить об особенностях предпринимательской этики старообрядчества, но и выявить типичные черты социального характера людей, включенных в процессы капиталистической модернизации второй половины XIX века.

И. О. Ермаченко (РГПУ, Санкт-Петербург)

«Национальные характеры» как тема публицистического дискурса о восточных войнах России (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Интересующий нас предмет – идейно-функциональная динамика понятия «национальный характер», рассматриваемая в контексте военного противостояния России со странами Востока. Публицистическая актуализация этой проблематики во второй половине XIX – начале XX вв. определялась целым рядом факторов, включая саму активизацию российской имперско-колониальной политики (окончательное завоевание Кавказа, усугубление «Большой игры» в Центральной Азии, раздел на сферы влияния Китая и т.д.) и расширение военно-технических и политических масштабов непосредственных конфликтов России с ее азиатскими соседями (участие Турции в Крымской войне, русско-турецкая война 1877–1878 гг., «китайская война» 1900–1901 гг., русско-японская 1904–1905 гг.). Особое значение имело развитие имперской идеологии и националистического дискурса, а также их либеральной критики, именно в рассматриваемый период утвердившихся на новых коммуникационных и институциональных основах (возросшая общественная роль и политическая специализация прессы, начавшееся партийно-политическое движение).

Для русской националистической периодики, демонстрировавшей в этот период различные коннотации консерватизма и радикализма при общей ориентации на традиционную триаду «православие – самодержавие – народность», концепт «национального характера» в его феноменологической трактовке играл особую роль, позволяя в определенной мере снимать известную внутреннюю противоречивость иерархии «национального» и «имперского». Одновременно он создавал почву для публицистической компаративистики, в которой превосходство над военным противником трактовалось как имманентное. Сопоставление национальных характеров заведомо оказывалось не в пользу «другого», обнаруживавшего в своих этнохарактерологических чертах столь же имманентную ущербность – даже если при этом за врагом признавались позитивные черты. Так, нередко отмечавшиеся «отчаянная смелость» и «самопожертвование» турок или японцев характеризовались как проявления фанатизма, выведившегося из «азиатской» сущности их общественных и армейских порядков. Фанатизму врага противопоставлялось отечественное мужество не просто «осмысленное», но рожденное душевными и духовными преимуществами «общенародного» свойства.

Позитивные черты в «характере врага» призваны были еще более возвеличить подвиг «святого русского воинства», негативные – утвердить уверенность в его конечной победе.

Тем не менее, даже на этом дискурсивном уровне проявлялись разнородные сложности и несоответствия. Правые публицисты «Русского вестника», «Московских ведомостей», «Гражданина» и др. по-разному интерпретировали «национальный характер» противников России. Так, японцы с началом войны 1904–1905 гг. уподоблялись и «монголам Чингисхана», и революционным французам кануна Наполеоновских войн (но с «молодым кипением смешанных азиатских кровей»), и «псевдоевропейцам» английско-немецкой «выучки», маскирующей все то же «азиатство». Расистский компонент, воплотившийся в концепции «желтой опасности», соседствовал с противопоставлением японского национального характера китайскому, запечатленному и «народными» изданиями вроде «Чтения для солдат»: «Китайцы, знаете, тоже бусурманы <...>; а впрочем, *не воинский народ, трусливый*; и дома-то у них бумажные, а пушки стеклянные, ружья глиняные». Относительно стабильная и стереотипная оценка национального характера турок также претерпевала трансформацию: приходилось учитывать как этническую и конфессиональную неоднородность Османской империи, так и зарождавшийся и разворачивающийся на глазах комментаторов младотурецкий национализм и пантюркизм. Сказывалась и смена самого регистра публицистики, особенно в преддверии Первой мировой войны, когда по-новому сформировался социальный заказ на карикатурный образ врага. Другим важным аспектом была необходимость разграничения вменяемого Порте «воинствующего ислама» и верноподданных настроений российских мусульман, также провоцировавшая обращение к проблеме «национального характера» и при этом осложнявшаяся исторической памятью о покорении Кавказа и Средней Азии.

В свою очередь либеральная пресса критиковала подходы «охранителей» как с принципиальных теоретических позиций, так и исходя из иного понимания «народных начал» (см. особенно «Вестник Европы» и «Мир Божий», с их вниманием к неонародничеству и «легальному марксизму»). Связанные с поражением в русско-японской войне революционные события еще более усложнили и дополнительно политизировали национально-характерологический дискурс, заставив консерваторов интенсивнее противопоставлять «истинный» русский национализм «антигосударственному» финскому, армянскому и другим, теперь уже открыто приравняваемым к враждебной деятельности тех же японцев. В итоге этот дискурс оказывается прочно включенным в идейное размежевание по внутрироссийским вопросам, лишней раз доказывая максимум, что «образ другого» является по преимуществу зеркалом общественной самооценки.

Региональная мифо-история в поисках «уральского характера»

В современной России история все чаще становится исходным материалом для «креативных технологий», нацеленных на символическую реконструкцию территорий и их жителей. Симптоматичным явлением такого рода стала «пермистика» (сайт приверженцев движения: <http://permistika.info>) – комплекс исторических, этнографических, филологических, художественных, географических текстов, продвигающих образы и смыслы региональной идентичности.

Пермистика – феномен, сформировавшийся в период позднего советского общества (во второй половине 1980-х гг.) в оппозиционной среде молодого поколения пермских журналистов, филологов, художников и фотографов. Профессиональных историков среди той когорты борцов за сотворение нового регионального мифа, заменяющего советскую семиосферу наследием финно-угорского населения Урала, не было. Сегодня совершенно очевидно, что это был вариант антисоветской глокализации – интеллектуального протеста против унифицирующего, стирающего региональные различия советского проекта. В пике официальной мифологии, предлагалось смоделировать мифологию, замешанную на почвенничестве и новом художественном языке.

Ситуация принципиально изменилась после краха СССР. В движении по лепке новой региональной идентичности включались все новые люди, порой с экзотическими идеями. Скажем, уникальность Западного Приуралья выводилась из фактов истории геологии. Шотландцем Р. Мэрчинсоном на территории Пермского края впервые были обнаружены особые геологические пласты, названные им по месту их открытия. Под именем «пермский период» они были включены в таблицу истории земли, и этот факт предлагалось продвигать как региональный бренд.

В 2000 г. после публикации новаторской книги В. Абашева «Пермь как текст» заявляет о себе культурно-семиотическое направление поисков местной идентичности. В нем Пермь предстает как результат длительного социального и символического преобразования места. Отчасти в предложенной модели локальной истории звучала логика концепции Г. Гачева о «космо-психо-логосе» и содержались предпосылки к новому прочтению стереотипа «уральский характер». В дальнейшем именно культурно-семиотическое направление заняло в пермистике лидирующее положение.

Ранее в нарративах об уральском характере декларировались личные черты носителей этого психо-социального комплекса: сдержанность, мужественность, замкнутость, немногословность, суровость. В новых текстах речь идет уже о больших социальных общностях – цивилизациях и даже расах. В середине десятилетия широкий резонанс получили концепции «горнозаводской цивилизации» и «уральской матри-

цы», разработкой и продвижением которых занимается писатель-краевед А. Иванов и его многочисленные адепты.

В 2006 г. А. Иванов сформулировал 10 отличительных признаков «горнозаводской цивилизации»: многоукладность землевладения, тотальная милитаризация, протекция государства, крепостная зависимость основной массы работников, высокая степень капитализации в отношениях с профессионалами, пригородный тип сельского хозяйства, включенность в природные циклы, внеэкономическая взаимозависимость заводов, «железные караваны» как главный способ транспортировки» (http://www.arkada-ivanov.ru/ru/my_articles/gornozavodskajacivil). Несложно заметить, что ментального измерения в этом описании нет. Однако очень скоро аргументы социально-экономического характера были вытеснены историческим визионерством, в котором особенности развития региона ставятся в прямую зависимость от ментальности его жителей.

Новую стратегию конструирования «уральскости» отличают:

1. Идея «плавильного котла», в котором уральский характер предстает «немыслимым сплавом православной крестьянской культуры с принципами позитивистской философии индустриальной цивилизации Европы. Этот сплав “легировался” добавленной в него потаённой культурой раскольников, маргинальной субкультурой каторжников и беглых, обрывками диких верований вогулов» (там же).
2. Заявка на уникальную аксиологию местных жителей, отличающихся демократизмом, толерантностью и трудовой этикой, замешанной на неволе горнозаводского населения. «Здесь труд ценится выше свободы». Здесь господствует доиндустриальное, не связанное с профессией и рыночными отношениями, отношение к работе.
3. Поэтому воплощением уральского характера является особый антропологический тип – Мастер (именно так, с большой буквы).
4. Апелляция к внеисторическим, метафизическим основам вечной «уральской матрицы». В этот логический ряд встраивается и своеобразная интерпретация советской индустриализации на Урале («валовые показатели» и штурмовщина – это характерный для Мастера культ совершенства).

Краеведческие и художественные тексты такого рода о региональной исключительности выявили прагматику их авторов: использовать историю для ребрендинга и повышения имиджевой привлекательности территорий, развития внутреннего въездного туризма. Причем импульс именно к такому прочтению региональной идентичности исходил не от власти или бизнеса, а от гуманитариев, рассчитывающих найти таким способом нишу на узком рынке интеллектуальных услуг.

Проблема формирования национального характера в творчестве славянофилов

В формировании национального характера русские консервативные историософы в первую очередь выделяют православную церковь и христианское общество. По утверждениям славянофилов, церковь – целостный и неразделенный «духовный организм», как в своей видимой, исторической «плоти», так и в своей невидимой, духовной сущности, причем видимая церковь является не просто неким собирательным сообществом, а земным проявлением церкви невидимой, ибо глава церкви Иисус Христос объединяет всех своих истинных последователей не внешне, а духовно. Под христианским же обществом славянофилы, как правило, понимали общину; ее строй, указывали они, вполне соответствует строю церковному. Это, прежде всего, основанный на православной вере, духовный союз, отрицающий какие бы то ни было эгоистические интересы. В общине каждый думает и заботится о благе всех. Отсюда понятно то значение, которое славянофилы в формировании русского национального характера придавали соборности.

Открывающаяся в «умозрительном образе православной церкви» соборность представляет у них прежде всего сочетание единства, любви и свободы. При этом свобода рассматривается славянофилами не как право или личный произвол, а как обязанность перед Богом. В этой связи человек как субъект свободы – отнюдь не отдельная, изолированная личность, его свобода обусловлена общественными нормами, воспринимаемыми религиозно. Исходя из своего соборного сознания, славянофилы весьма критически относятся к индивидуализму – началу не объединяющему, а разобщающему. Данные тенденции, по их глубокому убеждению, находят выражение и в церкви, и в общине, сформированных на базе органического синтеза личной свободы и самоотречения. Неудивительно, что «общинный строй» у славянофилов создается «не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия». А поэтому община не подавляет личность, а избавляет ее от эгоизма, буйства и пр. Способствуя сохранению своеобразия национального характера, она дает мощный толчок для развития не индивидуального, а соборного начала. Славянофилы постоянно призывали к тому, чтобы личность сохраняла свой национальный характер, собственные религиозно-национальные особенности, во многом определяемые и присущей каждому народу деятельностью.

Для них очевидно, что славянские народы – это прежде всего мирные хлебопашцы, но тем не менее вынужденные вечно сражаться против своих многочисленных противников. В характере славян нет скольнибудь заметного проявления национального эгоцентризма. Восприимчивые к чужому, они были лишены чувства презрения к другим народам.

Стремясь найти в русском народе наиболее выразительные черты его национального характера, славянофилы указывали на смирение. Именно поэтому русский народ всегда преисполнен желанием возводить памятники не себе, а Богу, славя его молитвами, молебнами, храмами. Мирнолюбивый характер славян смягчал воинственные нравы других народов, которые в свою очередь часто влияли на них весьма неблагоприятно.

Неудивительно, что славянофилы идеализировали допетровскую Россию, активно критикуя петровские преобразования. Петр I, по их мнению, прервал органический путь развития национальной жизни. «Государство в лице Петра» бесцеремонно вторгается в народный быт, разрушая русские обычаи, порядки и нравы. Он фактически разделил Россию на преобразованные им в западном духе, заговорившие по-иностранному «верхние классы» и сохранивший самобытные основы народ. В этой связи К. Аксаков противопоставлял народ публике, под которой он понимал апологетов любых европейских новшеств. В отличие от народа, способного, самостоятельно усваивая чужое, делать его своим, публика все свое обращает в чужое. Славянофилы убеждены: для того чтобы вновь стать русскими необходимо освободиться от влияния Европы. Однако сделать это совсем не просто, ибо Европа, отрывая русских людей от самобытных, родных начал, делала их «жалкими себе и своей лжи подражателями». Это подрывало перспективы особого пути исторического развития России, разрушало русский национальный характер, о чем весьма сожалел активно развивающий взгляды славянофилов Н. Данилевский.

По мнению многих исследователей, его книга «Россия и Европа» – удачная попытка выражения русского национального характера, во многом определившего самобытные основы развития общества. Народ, постоянно повторял Н. Данилевский, способен творить, выражать себя только в соответствии со своим складом характера. Творить же по чужим образцам – значит обречь себя на подражательство и эпигонство. Очевидно, что для Данилевского отказ от национального характера – не просто отказ от прошлого, но и признание бессмысленности как своего настоящего, так и своего будущего. Утверждая вслед за славянофилами, что без православной веры русский народ полностью утрачивает свои основные особенности, отличающие его от других народов, он убеждал, что в русском национальном характере общенародный элемент всегда доминирует над индивидуальным. А поэтому русский народ готов принести в жертву государству все свои личные блага, вынести любую дозу свободы, ни в коей мере не злоупотребляя ею.

Н. А. Мусеева (Российский государственный аграрный заочный университет, Балашиха)

Русский национальный характер в философском дискурсе

Осмысление русского национального характера в контексте его культурно-цивилизационных оснований и процессов трансформации имеет глубокую и длительную интеллектуальную традицию. Национальный характер – это совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него.

Отечественные исследования русского национального характера развивались преимущественно по следующим ключевым позициям: разработка самого понятия «национальный характер» (по поводу научной состоятельности которого и его эвристических возможностей до сих пор не утихают споры); раскрытие отдельных черт русского национального характера и системы их взаимосвязи; проблема детерминированности национального характера российским социумом; рассмотрение трансформации национального характера в ходе исторического развития России; анализ роли русского национального характера в поиске культурного и цивилизационного самоопределения России.

Данные позиции обсуждаются в рамках целого ряда социально-гуманитарных наук, но особые возможности для анализа русского национального характера дает именно философский дискурс, с его высокой степенью абстракции и рефлексивным характером.

Наиболее точный и верный анализ исторической ситуации в России начала XX в. принадлежал русским религиозным философам. Философские размышления о русском национальном характере встречаются в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина. Давая качественные характеристики русского национального характера, философы с воодушевлением писали о его положительных гранях: о таланте любви и мужестве (Ильин), о тяге к правде как истине-справедливости, тоске по идеальному (Бердяев), о способности к любым жертвам ради осуществления идеала (Булгаков). Классическими стали формулировки Бердяева об антиномичности русской души. Философ характеризовал русский народ с одинаковым основанием как народ государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, «склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный» (Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15).

Мнения философов о возможности эволюции русского национального характера разошлись. Так, например, Н. О. Лосский утвер-

ждал, что невозможно что-либо изменить в психологии, ментальности и русском характере, поскольку душа и человека, и народа определяется высшими силами. Позиция Лосского представляет собой скорее пессимистический взгляд на возможность изменения национального характера. Напротив, С. Н. Булгаков достаточно оптимистичен, для него социальные потрясения России есть не только разрушение, но и своего рода катарсис, очищение, поскольку ведут к трансформации национального характера.

И. А. Ильин особенно подчеркивал, что «главное: воспитать в народе новый русский духовный характер» Он вычленил «три бремени», которые лежали на плечах русского народа и явились одними из главных причин как формирования, так и изменения черт национального характера. «Первое наше бремя есть бремя земли – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства...», ведь на этой территории разместилось бы несколько империй и десятки государств европейского масштаба. «Второе наше бремя есть бремя природы», где скудная земля, суровый климат, бескрайние степи, ничем не защищенные от набегов врага». И, наконец, «третье наше бремя есть бремя народности», разноплеменной, разноязыкой, составленной из представителей различных культур и верований. С этим историческим заданием справилась Россия, создав «единое великое государство и единую великую духовную культуру» (Ильин И. А. О путях России // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. Т. 2. М., 1994. Т. 2. С. 129-131).

По Н. А. Бердяеву, радикальные изменения в русском национальном характере, произошли в ходе событий Октября, образования СССР и социалистического строительства, войны с фашизмом. Согласно его логике, социокультурная трансформация сопровождалась изменениями национального характера и выработкой новых черт, более соответствующих социальным условиям.

И. А. Ильин считал патриотизм доминантной особенностью русского национального характера и на русском материале рассматривал все составляющие патриотизма. Он размышлял о том, как формировать национальный характер, не допуская в преподавании националистического самомнения и всеосмеивающего самоунижения.

Можно утверждать, что виднейшие русские философы связывали будущее страны с изменениями в русском национальном характере. При этом они ставили вопрос не о грубой переделке русского типа, поскольку тогда уже не будет смысла вести речь о «русскости», а о его трансформации через воспитание. Думается, что данная позиция может быть востребована и позитивно использована в нынешней ситуации. Процесс глобализации актуализирует задачу сохранения собственной культурно-социальной идентичности, важным компонентом которой является русский национальный характер.

А. Н. Полухин (Кузбасская государственная педагогическая академия, Новокузнецк)

Русский национальный характер в трудах идеолога евразийства П. Н. Савицкого

Лидер евразийцев 1920–30-х гг. экономист, географ и историк П. Н. Савицкий (1895–1968) никогда специально не занимался проблемами русского национального характера в отличие от многих коллег-эмигрантов пореволюционной волны. Однако эта тема не могла пройти мимо него – человека, который исследовал в истории структуралистские модели российского мира. Следует выделить принципы, критерии, которыми руководствовался ученый при интерпретации темы русского национального характера (и русского народа в широком понимании).

Для П. Н. Савицкого был характерен механистический, биологический, натуралистский, деятельный подход к истории и русскому национальному характеру. История у него «не “даётся”, но “творится”». Историю определяют сильные, активные люди (организаторы), но и слабые люди, низы могут оказывать воздействие на ход исторического процесса.

На исторический процесс оказывает воздействие организационная идея (у П. Н. Савицкого был комплекс концепций, объясняющих воздействие умозрительных схем на характер и судьбы людей, такие как «благая метафизика», идеократия, номогенез, эйдос, организационная идея. Речь шла о том, что можно внедрить в сознание народа ту или иную общественную организационную идею. П. Н. Савицкий вместе с евразийцами мечтал насадить в русском народе евразийскую, православную идеологию вместо ложной коммунистической. Как видно, мир, национальный характер у П. Н. Савицкого пластичен, поддается переделыванию. Поэтому для него не могло существовать национального характера как статичного явления. Для пореволюционной России, когда на глазах ломались тысячелетние устои, такой подход был исторически оправдан.

Однако такой механистический взгляд православного ученого П. Н. Савицкого лишь одна сторона этой проблемы. Савицкий страстно изучал в истории моменты, которые связывали сквозь века народы, проживающие на одной территории. Речь идет об учении о месторазвитии. Месторазвития (они у него не вечны, но существуют весьма длительное время) принудительно оказывают воздействие на ход исторического процесса и на характер тех или иных народов (хотя духовные начала, как и многие другие начала, у него «внеместные», не относящиеся к началам месторазвития).

Русскому народу, проживающему в особом историко-географическом мире, месторазвитии России-Евразии, присущи, по мнению Савицкого, определенные черты национального характера. Важно заметить, что они формировались не сразу. Восточные славяне занимали лишь западную окраину евразийского мира. Во времена Ки-

евской Руси было принято Православие, ставшее основой национально-го характера. Византийская православная культура была евразийской (в ней сочетались западные и восточные начала). Однако на ход государственного имперского строительства повлияли монголы. Они привили русские качества, которые помогли им затем создать великое государство и освоить огромные внутриматериковые пространства евразийского месторазвития. Это этническая и религиозная терпимость, материковое сознание и ощущение континента (чувство, соразмерное европейскому ощущению океана), умение становиться ордой. Русский человек имеет некоторое влечение, братание с народами евразийского мира, у него есть чувство, печать восточного мистического духа, созерцательной лени. Поэтому Россия – православно-мусульманская, православно-буддистская страна. Здесь П. Н. Савицкий соглашался с туранским психологическим типом и «бытовым исповедничеством» евразийца Н. С. Трубецкого (идеи последнего продолжали мысли первого).

Сквозные психологические традиции проявлялись и на региональном уровне. Так, жители междуречья Оки и Волги всегда тяготели к сильной государственной власти. Это проявлялось и в киевские времена, и в период гражданской войны 1918–22 гг. Население же Украины всегда более тяготеет к государственной анархии.

Савицкий призвал видеть исторические психологические сопоставления и на уровне персоналий правителей. Ханы Золотой орды и российские императоры имели много общих черт как распорядители судеб «евразийских низменностей».

Савицкий выводил у русского народа великую революционность (она была связана с его пластическим видением истории) и великий традиционализм (последний, видимо, связан с влиянием месторазвития). Отрицательное в русском традиционном: немного свободы реализовать себя у человеческой личности, малое уважение к ней, духовный гнет и злоупотребление принуждением. Положительные моменты: «в поставлении многих на служение общему делу, в обращении к инстинктам самопожертвования и аскезы, в грандиозности замысла и в силе организации».

Такие принципы работы с национальным характером позволяли Савицкому, в жилах которого текла украинская, русская, татарская, еврейская кровь, успешней проводить свои комплексные исследования в сфере россиеведения.